П. МАСЛОВЪ.

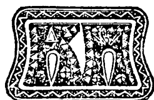
ВОЙНА И ДЕМОКРАТІЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ.

П. МАСЛОВЪ

ВОЙНА И ДЕМОКРАТІЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ

Поставщикъ Двора Его Величества.
Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ. Москва
Трехпрудный пер., собственный домъ

1916.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Міровая война продолжается уже второй годъ, а среди демократическихъ слоевъ населенія еще до сихъ поръ не установилось опредѣленнаго къ ней отношенія. Всѣ чувствуютъ и понимаютъ лишь, что война огромнѣйшее несчастіе, что каждый день войны несетъ массу бѣдствій, ужасовъ и разоренія,—на этомъ всѣ сходятся,—но оцѣнка войны, ея значенія и послѣдствій существуетъ самая разнообразная. Правда, «пораженческая» точка зрѣнія мало проявляется,—ея какъ бы стыдятся,—но антиоборончество,—точка зрѣнія отрицающая признаніе обороны, какъ единственнаго пути для демократіи, еще существуетъ, отчасти благодаря тому, что оборона страны многими отождествляется съ наступательнымъ націонализмомъ.

Попытаться выяснить точку зрѣнія національной обороны, устранить нѣкоторыя недоразумѣнія и *извращенія* этой точки зрѣнія и составляетъ нашу задачу.

Двѣ статьи изъ трехъ были напечатаны въ теченіе истекшаго года въ Петроградѣ въ журналѣ «Наше Дѣло» и перепечатываются здѣсь почти безъ всякихъ измѣненій.

Авторъ.

15 декабря 1915 года.

О «ДВИЖЕНІИ» И «КОНЕЧНОЙ ЦѢЛИ».

I.

Движеніе человѣчества къ лучшему будущему, къ тѣмъ идеаламъ, которые ставились и ставятся его благороднѣйшими представителями, происходитъ на тернистомъ пути, усѣянномъ трудно одолимыми препятствіями.

Это прекрасное будущее рисовалось передъ человѣчествомъ сначала романтиками-идеалистами. Идеалисты мало обращали вниманія на текущія потребности широкихъ народныхъ массъ, когда, мечтая о далекомъ идеальномъ будущемъ, указывали этимъ массамъ на прекрасныя перспективы, призывая забыть свои повседневныя нужды. Картина прекраснаго будущаго, которая рисуется среди тяжелаго и неприглядннаго настоящаго, многихъ заставляла забывать о томъ, что скачокъ въ идеальное будущее для массы людей, придавленныхъ потребностями настоящаго, невозможенъ. Грузъ историческаго прошлаго лежитъ слишкомъ тяжелымъ ярмомъ на современномъ человѣчествѣ, чтобы оно могло съ такой тяжестью перепрыгнуть черезъ широкую пропасть, отдѣляющую будущее отъ реальной дѣйствительности и войти въ врата новаго идеальнаго строя, очищеннаго отъ всей исторической скверны.

Въ теченіе прошлаго столѣтія жизненный опытъ снова и снова разбивалъ надежды идеалистовъ, мечтавшихъ, что народная масса однимъ усиліемъ перешагнетъ въ новый строй, какъ только увидитъ картину этого строя, нарисованную пламенными пропагандистами новыхъ соціаль-

ныхъ отношеній. Правда, трудовая масса внимательно слушала и воспринимала новое ученіе, всей душой стремилась къ идеальному будущему, которое было тѣмъ привлекательнѣе, чѣмъ тяжелѣе и невыносимѣе было настоящее, но она не могла вслѣдъ за идеалистами отвернуться и отмахнуться отъ этого настоящаго, именно потому, что оно угнетало ее. Голодающій рабочій людъ съ вѣрой и надеждой сталъ смотрѣть на будущее, гдѣ ему рисуется свѣтлая жизнь, но онъ не могъ забыть того, что въ настоящій-то моментъ онъ голоденъ и холоденъ, что и въ настоящемъ ему нужно что-нибудь взять отъ жизни.

И вотъ тяжелымъ опытомъ жизни идеалисты-утописты принуждены были считаться или, правильнѣе, смѣнились людьми, которые стали считаться съ неприглядной дѣйствительностью: путь къ идеальнымъ отношеніямъ для трудящихся массъ велъ черезъ удовлетвореніе ихъ настоятельныхъ потребностей въ настоящемъ: только пробивая дорогу для улучшенія своего положенія въ настоящемъ, трудовая масса могла двигаться впередъ къ лучшему будущему; только тогда, когда народъ сбрасывалъ шагъ за шагомъ тяжести, которыя исторія навалила на его согнутую спину, эта спина стала выпрямляться и онъ все смѣлѣе и острѣе сталъ вперять свои взоры въ будущее.

Этотъ переходъ отъ соціальнаго утопизма къ соціальному строительству происходилъ постепенно и, въ силу исторической необходимости, въ національныхъ рамкахъ. Въ отдѣльныхъ западноевропейскихъ государствахъ, въ зависимости отъ ихъ экономическаго развитія, появился раньше соціальный утопизмъ и, потомъ, путемъ жизненнаго опыта рабочихъ массъ, сталъ постепенно вытѣсняться классовой борьбой за текущіе интересы трудящихся массъ, борьбой, тѣсно связанной съ идеалами и строительствомъ будущаго.

Марксизмъ, опираясь на жизненный опытъ экономической и политической борьбы рабочихъ массъ, теорети-

чески связалъ интересы настоящаго этихъ массъ съ стремленіями къ строительству идеальнаго будущаго. Но практическая жизнь останавливала вниманіе однихъ на текущей злобѣ дня, на поверхностныхъ интересахъ и заставляла забывать о «конечной цѣли», другихъ,—продолжателей старыхъ утопистовъ,—заставляла игнорировать настоящее ради будущаго.

Первые, наиболѣе ярко представленные въ Германіи правымъ крыломъ ревизіонистовъ, опредѣлили свои взгляды формулой, что для нихъ «движеніе—все, конечная цѣль—ничто», т.-е. борьба за повседневные интересы составляетъ все, а направленіе этой борьбы къ достиженію «конечной цѣли» не имѣетъ никакого значенія. Спустившись съ высотъ, съ которыхъ можно смотрѣть на будущее, на землю, занятый текущими злобами дня и нуждами настоящаго, соціальный практицизмъ понемногу сталъ забывать о будущемъ, ради выгодъ настоящей минуты; онъ сталъ не только забывать интересы болѣе или менѣе близкаго будущаго, но и жертвовать ими ближайшимъ преходящимъ интересамъ минуты. Создается двоякаго рода практицизмъ, имѣющій различное значеніе для будущаго.

Дѣловой практицизмъ профессіональнаго и кооперативнаго движенія, ставя себѣ узкія практическія задачи, не становится въ противорѣчіе съ конечными цѣлями, хотя, часто, и не имѣетъ ихъ въ виду. Каждый шагъ кропотливой, будничной работы культурнаго и экономическаго развитія демократіи является шагомъ впередъ по пути къ «конечной цѣли».

Напротивъ, практицизмъ, вызывающій смѣшеніе или отождествленіе интересовъ противоположныхъ классовъ, часто отводитъ въ сторону отъ прямого пути къ общественному идеалу.

Практика жизни обычно опредѣляетъ тѣ рамки, въ которыхъ практицизмъ движенія не вступаетъ въ противорѣчіе съ его конечной цѣлью, а ведетъ къ ней.

Въ обычное, будничное время это, иногда встрѣчающееся противорѣчіе преходящихъ интересовъ настоящаго съ важнѣйшими интересами будущаго, выступаетъ не такъ остро. Во всякомъ случаѣ противопоставленіе «движенія» «конечной цѣли» всегда и безусловно вредило самому движенію. Но вспыхнувшая міровая война поставила очень остро этотъ вопросъ: стремленіе германской соціалдемократіи путемъ войны добиться экономической эксплуатаціи сосѣднихъ странъ (въ резолюціи Давида объ условіяхъ заключенія мира, принятой подавляющимъ большинствомъ), давая временныя экономическія выгоды рабочему классу Германіи, несомнѣнно вступило въ противорѣчіе съ «конечной цѣлью», къ которой стремились лучшіе вожди германской соціалдемократіи.

Другое, прямо противоположное теченіе соціальнаго строительства жертвуетъ интересами настоящаго во имя отдаленнаго будущаго. Нѣкоторыя соціалистическія группы, особенно въ Россіи, смотрѣли на рабочія организаціи, обслуживающія текущіе интересы рабочихъ, лишь какъ на средства *для использованія* ихъ для будущаго, для «конечной цѣли» и съ пренебреженіемъ относились къ интересамъ настоящаго. Такъ многіе смотрѣли и смотрятъ на профессіональные союзы, кооперативы и проч., относясь къ обслуживанію ими текущихъ интересовъ рабочей массы, какъ къ дѣлу не только маленькому, не важному, но даже какъ къ дѣлу противорѣчащему «конечной цѣли», принижающему организованную массу къ злободневнымъ интересамъ и отвлекающему ее отъ этой цѣли.

Во время войны это барское отношеніе къ ближайшимъ интересамъ рабочихъ массъ сказалось въ пораженчествѣ и пропагандѣ «мира во что бы-то ни стало». Этимъ барскимъ отношеніемъ къ текущимъ *) интересамъ народныхъ массъ

*) Типичнымъ образцомъ такого отношенія являются разсужденія Суханова, который пишетъ слѣдующее: «Вопросъ о гер-

и можно объяснить не только неправильное пониманіе интересовъ будущаго, «конечной цѣли», но и невѣжество значительной части соціалистовъ при оцѣнкѣ таможенной политики, значенія экономическихъ завоевателей и т. д., ибо внимательное отношеніе къ этимъ вопросамъ не могло бы допустить не только «пораженчества», но и требованія мира при всякихъ условіяхъ, во что бы то ни стало, если пораженіе и заключенный при пораженіи миръ поведутъ къ экономическому разоренію страны, къ эксплуатаціи одной страны другою.

Аргументація утопистовъ во время войны очень проста. «Война начата буржуазіей или буржуазнымъ правительствомъ безъ участія демократіи. Какое дѣло демократіи до того, кто побѣдитъ, кто потерпитъ пораженіе? Демократія должна думать о будущемъ, о другомъ соціальномъ строѣ, а не итти рядомъ съ буржуазіей въ братоубійственной войнѣ». Но страна разоряется отъ вторженія непріятельскихъ войскъ, странѣ грозитъ разореніе. «Насъ это не касается, говорятъ противооборонцы, потому что не мы затѣяли войну». Не трудно понять, что въ этой точкѣ зрѣнія скрывается то же противопоставленіе интересовъ настоящаго интересамъ будущаго, тотъ же бойкотизмъ, который проявлялся когда-то въ выборахъ въ Государственную Думу, въ отрицательномъ отношеніи къ профессіональному и кооперативному движенію и т. д.

Такимъ образомъ на тернистомъ пути человѣчества къ лучшему будущему встрѣчаются два теченія, которыя тянутъ его въ двухъ направленіяхъ. Одни призываютъ забыть о будущемъ и смотрѣть на настоящее, другіе—

манскихъ пошлинахъ, даже въ томъ скромномъ (!) значеніи, которое охарактеризовано выше, есть вопросъ только *сегодняшняго дня*. Для *будущихъ же временъ* (когда Россія не будетъ земледѣльческой страной. П. М.) его значеніе, повидимому, будетъ парализовано тенденціями объективнаго экономическаго развитія Россіи». А пока крестьяне могутъ и поголодать!

смотрѣть на будущее и забыть о настоящемъ, которое кажется мелкимъ и неважнымъ передъ красивыми перспективами будущаго.

Но есть и сторонники третьяго направленія, которое дѣлается все болѣе и болѣе значительнымъ и все большую и большую массу людей ведетъ за собой. Это третье теченіе, призывая къ лучшему будущему, къ «конечной цѣли», не забываетъ и объ интересахъ настоящаго. Это теченіе исходитъ изъ мысли, что борьба за улучшеніе положенія народныхъ массъ въ настоящемъ есть неизбѣжный путь къ идеальному будущему, что нужно только въ борьбѣ за интересы настоящаго не упускать изъ виду направленіе дальнѣйшаго пути, устраняя всѣ противорѣчія между движеніемъ и «конечной цѣлью». Съ этой точки зрѣнія совершенно неправильно противопоставленіе «движенія» «конечной цѣли», неправильна самая постановка задачи: *или* преслѣдовать интересы настоящаго, *или* имѣть въ виду *только* конечную цѣль. Напротивъ, правильное пониманіе интересовъ настоящаго и борьба за нихъ ведетъ и къ конечной цѣли; игнорированіе интересовъ настоящаго дѣлаетъ недостижимой и конечную цѣль. Эта точка зрѣнія, развиваемая марксизмомъ, къ сожалѣнію, плохо усваивается марксистами, особенно въ настоящій моментъ, когда, *повидимому*, интересы настоящаго, національные интересы вступили въ конфликтъ съ интересами будущаго, съ интернаціональными интересами.

II.

Когда въ началѣ войны, послѣ появленія пораженческихъ прокламацій, я выступилъ публично съ заявленіемъ, что демократіи Россіи необходимо встать на точку зрѣнія обороны, несмотря на неблагопріятныя условія, и когда

ъ брошюрѣ *) я доказывалъ, что пораженіе Россіи задержитъ ея экономическое развитіе и поведетъ къ тяжелымъ послѣдствіямъ, на меня, какъ и другихъ «оборонцевъ» посыпались самыя тяжкія обвиненія со стороны тѣхъ, которые присвоили себѣ названіе «интернаціоналистовъ»: въ національизмѣ и шовинизмѣ, въ измѣнѣ интернаціональнымъ традиціямъ и т. д.

Особенно смутили мои указанія на опасность для экономическаго развитія Россіи торговаго договора, продиктованнаго Германіей. На меня посыпались обвиненія, что я сталъ протекціонистомъ и чуть ли не отстаиваю интересы русскихъ предпринимателей. Какъ будто вспыхнувшая война вышибла изъ головы нѣкоторыхъ «ортодоксальныхъ» марксистовъ всѣ основныя положенія матеріалистическаго пониманія исторіи: что войны ведутся изъ-за матеріальныхъ выгодъ, что расширеніе рынка, таможенные договоры и проч. являются сильнѣйшими побудительными причинами для капиталистическихъ странъ къ агрессивной политикѣ и т. д.

Въ основѣ этихъ нападокъ, мнѣ кажется, лежитъ то неправильное противопоставленіе интересовъ современнаго движенія «конечной цѣли», «національныхъ» интересовъ «интернаціональнымъ», о которомъ я писалъ выше.

Прежде чѣмъ разбираться въ вопросахъ таможенной политики, прежде, чѣмъ опредѣлять экономическое значеніе войны, побѣды и пораженія, нужно выяснить вопросъ объ отношеніи національныхъ интересовъ демократіи къ интернаціональнымъ, устранить то противопоставленіе «движенія» «конечной цѣли», которое теперь во время войны особенно обострилось.

Въ мирное время демократія каждой страны въ національно-государственныхъ рамкахъ борется за свои интересы, за интересы своего дальнѣйшаго развитія различ-

*) «Экономическія причины міровой войны».

ными методами. Наиболѣе правильный и продуктивный методъ борьбы, какъ замѣчено, заключается въ томъ, чтобы защита интересовъ настоящаго не противорѣчила конечной цѣли, чтобы защита національныхъ интересовъ не противорѣчила интернаціонализму. Напримѣръ, чтобы защита интересовъ какой-либо національности не вела къ угнетенію другой: хотя это въ данный моментъ и можетъ дать матеріальныя выгоды угнетателямъ, но, въ конечномъ счетѣ, угнетеніе представителей другой націи приводитъ къ угнетенію демократіи угнетающей.

Во всякомъ случаѣ демократія всегда дѣлаетъ завоеванія, разгибаетъ свою спину въ національныхъ рамкахъ, добиваясь демократизаціи государственнаго строя, улучшенія положенія труда и т. д. И *поскольку* она дѣлаетъ шаги въ этомъ направленіи, *постольку* она подвигается къ интернаціонализму, къ «конечной цѣли». Если-бы, напримѣръ, германская соціалдемократія въ *національныхъ рамкахъ добилась такого вліянія въ государственномъ строѣ Германіи, что могла бы рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ*, то не было бы и нападенія Германіи и Австріи на Сербію, не было бы и войны, т.-е. самаго сильнаго удара интернаціонализму.

Можно, поэтому, судить насколько правильно понимаетъ задачи демократіи одинъ изъ моихъ оппонентовъ А. Горскій, который, полемизируя со мной, поучаетъ: задачей демократіи является «не защита національныхъ интересовъ и пр., а защита классовыхъ, интернаціональныхъ интересовъ. Что же *касается до національныхъ интересовъ, то они вообще лежатъ внѣ сферы заботъ демократіи»* *). Читателю можетъ показаться, что я цитирую просто невѣжественнаго автора, который пишетъ о томъ, о чемъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Но я долженъ заступиться за своихъ оппонентовъ. Въ цитированныхъ строкахъ, такъ же

*) См. журналъ «Наше Дѣло» 1915 г. № 5—6, стр. 67.

какъ и въ писаніяхъ «антиоборонцевъ» скрывается лишь неправильное противопоставленіе «движенія» «конечной цѣли» и ничего больше. Антиоборонцы совершенно искренно думаютъ, что, выступая противъ защиты національныхъ интересовъ демократіи, они защищаютъ интернаціонализмъ, что защита національныхъ интересовъ находится въ противорѣчіи съ задачами интернаціонализма.

Это заблужденіе питается, главнымъ образомъ, націоналистической, завоевательной идеологіей, которая расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ во время войны и увлекла за собой огромную массу обывателей.

Націоналистическая печать различныхъ оттѣнковъ, начиная съ откровенно реакціонной и кончая ярко-либеральной, во всѣхъ воюющихъ странахъ развила такую аггрессивную завоевательную агитацію, такъ раздула завоевательные аппетиты, что въ противовѣсъ этой агитаціи сгоряча поднялась мало продуманная агитація противъ самозащиты демократіи. Позиція обороны страны противъ нападающаго внѣшняго врага стала смѣшиваться съ націоналистической агитаціей, которая въ войнѣ видитъ средство не только защиты, но и завоеванія въ той или другой формѣ, угнетенія побѣжденнаго противника.

Антиоборончество неизбѣжно вмѣстѣ съ водой выплескиваетъ и ребенка: протестуя противъ завоевательной аггрессивной агитаціи, противъ раздуванія хищническихъ аппетитовъ, оно начинаетъ протестовать и противъ обороны, противъ отстаиванія національныхъ интересовъ отъ нападающаго съ хищническими цѣлями государства. Типичнымъ такого рода соціальнымъ утопистомъ является тотъ сербскій депутатъ-соціалистъ, который протестовалъ противъ обороны Сербіи при нападеніи на нее Австріи яко-бы во имя интернаціонализма. Разумѣется, интернаціонализмъ не имѣетъ ничего общаго съ такимъ пассивнымъ отношеніемъ къ нападенію и хищничеству, хотя бы оно исходило отъ правящихъ классовъ другой страны.

Ибо демократія каждой страны, чтобы добиться въ національныхъ рамкахъ своего освобожденія, чтобы подойти къ интернаціональнымъ задачамъ, должна устранять всякія препятствія своему экономическому, политическому и культурному развитію. А такими препятствіями несомнѣнно является экономическое, политическое или культурное угнетеніе завоевателями. Подготовленная Германіей и Австро-Венгріей война была начата, разумѣется, не для того, чтобы показать храбрость прусскихъ или венгерскихъ юнкеровъ, а съ цѣлями политической и экономической эксплуатаціи сосѣдей.

Выясняя экономическія причины войны я писалъ *): «Стремленіе къ эксплуатаціи сосѣднихъ, экономически болѣе отсталыхъ странъ не составляетъ особенности какой-либо расы и не исчезаетъ и не измѣняется отъ состава народностей, населяющихъ эти страны: капиталъ такъ же охотно эксплуатируетъ иноплеменниковъ, какъ и соплеменниковъ. Слѣдовательно, для историческаго объясненія войны нужно выяснить причины, почему агрессивная роль въ этой войнѣ принадлежитъ Германіи и Австро-Венгріи», а не другимъ странамъ, хотя капитализмъ вездѣ агрессивенъ.

Капитализмъ вездѣ агрессивенъ и демократіи каждой страны нужно имѣть большую мудрость, чтобы держаться тѣхъ задачъ, которыя диктуются интересами не только настоящаго, но и отдаленнаго будущаго; чтобы въ отстаиваніи своихъ національныхъ задачъ, своего освобожденія, не сдѣлать ни одного шага къ угнетенію другихъ, чтобы съ такой же настойчивостью бороться противъ экономическаго, политическаго и культурнаго угнетенія другихъ государствъ и народовъ, съ какой она борется противъ завоевателей.

Наиболѣе успѣшной борьба противъ нападенія является

*) «Экономическія причины міровой войны», стр. 6.

тогда, когда демократія беретъ оборону своей страны въ свои руки, когда весь народъ принимаетъ не пассивное, но активное участіе въ оборонѣ страны. Поэтому національная задача обороны совпадаетъ съ другой національной задачей демократіи,—задачей самой быть рѣшителемъ своихъ собственныхъ судебъ и дѣлъ, съ задачей устранять препятствія наиболѣе цѣлесообразной оборонѣ страны отъ внутреннихъ и внѣшнихъ хищниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эти національныя задачи во время войны подводятъ демократію и къ интернаціональной задачѣ—ликвидаціи войны. Ибо, только постольку, поскольку демократія различныхъ странъ принимаетъ не пассивное, но активное участіе въ рѣшеніи международныхъ вопросовъ, постольку агрессивность войны ослабѣваетъ, такъ какъ по существу демократія не стремится къ завоеваніямъ. Ибо войны ликвидируются устраненіемъ и ослабленіемъ воли къ завоеванію со стороны агрессивной, или безсиліемъ побѣждаемыхъ и угнетаемыхъ. Только тогда, когда демократія Германіи откажется отъ поддержки *агрессивной* политики германской правящей клики и когда *отпоръ* нападенію будетъ достаточно силенъ, возможны надежды на миръ безъ самыхъ тяжкихъ послѣдствій для воюющихъ странъ. Напротивъ, чѣмъ меньше встрѣтятъ сопротивленія завоеватели, тѣмъ болѣе тяжкія послѣдствія принесетъ и война.

Какъ нельзя противопоставлять интересы настоящаго движенія демократіи конечной ея цѣли, такъ нельзя противопоставлять національныхъ интересовъ интернаціональнымъ, *пока защита этихъ интересовъ* не сопровождается игнорированіемъ другихъ національныхъ интересовъ. Какъ движеніе приводитъ къ конечной цѣли, такъ и отстаиваніе всякихъ національныхъ интересовъ противъ гнета и эксплуатаціи приводитъ къ интернаціонализму.

III.

Противники обороны страны (изъ которыхъ наиболѣе послѣдовательны пораженцы), въ большинствѣ случаевъ вовсе не являются противниками національныхъ задачъ демократіи. Напротивъ, они признаютъ національныя задачи, но постольку, поскольку эти задачи касаются внутреннихъ отношеній, т.-е. поскольку демократіи необходимо создать лучшія условія внутри страны. Противъ обороны «интернаціоналисты»-утописты выступаютъ потому, что они, съ одной стороны, не видятъ особенной бѣды для демократіи отъ пораженія, а нѣкоторые видятъ въ этомъ даже выгоду; съ другой стороны, они, какъ и другіе утописты, теперь отживающіе, противопоставляютъ «движеніе» конечной цѣли, осуществленіе національныхъ задачъ противопоставляютъ задачамъ интернаціональнымъ, видятъ въ защитѣ интернаціональныхъ интересовъ агрессивный національнзмъ, стремящійся къ политическимъ и экономическимъ завоеваніямъ путемъ войны. Только этимъ и объясняется непониманіе и извращеніе доводовъ «оборонцевъ», которое дѣлается на каждомъ шагу. Только этимъ, а не сознательной демагогіей объясняется забавное противопоставленіе антиоборонцевъ, какъ «непріемлющихъ войну» оборонцамъ, какъ «пріемлющимъ войну».

Смѣшно говорить о «пріемлющихъ» и «непріемлющихъ» войну, когда война фактъ, который существуетъ независимо отъ пріемлющихъ и непріемлющихъ, когда вся демократія пассивно участвуетъ въ войнѣ (въ томъ числѣ и непріемлющіе), когда можетъ итти рѣчь лишь о томъ, какой *исходъ* войны наиболѣе выгоденъ для демократіи, хотя война *вообще* и данная война въ частности невыгодна для демократіи всѣхъ странъ. Смѣшно становиться въ позу и, изготовляя снаряды, восклицать «я не пріемлю войны»,

когда она поглощаетъ милліоны жертвъ и грозитъ культурѣ и независимости побѣжденныхъ. Ибо эта поза не остановитъ движенія германцевъ на Россію...

Точно такъ же указаннымъ мною противопоставленіемъ оборончества интернаціонализму объясняется полное непониманіе точки зрѣнія защиты культурной, политической и экономической независимости страны, на которую нападаютъ. Напримѣръ, мои опасенія, что Россіи грозитъ экономическая эксплуатація въ случаѣ побѣды Германіи, Сухановъ истолковываетъ*), какъ защиту нашего протекціонизма. Такъ, по поводу упомянутой моей брошюры Сухановъ пишетъ: «какія силы могли во мгновеніе ока превратить фритредеровъ въ неумѣренныхъ протекціонистовъ?» Далѣе Сухановъ приписываетъ мнѣ слѣдующіе выводы: «вооруженный отпоръ Германіи долженъ избавить насъ отъ торговаго договора, открывающаго германскому вывозу русскій рынокъ и *долженъ оставить въ силѣ нашу протекціонную систему*». Это пишется о брошюрѣ, гдѣ напечатано: «Такъ какъ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ имѣли политическій вѣсъ и экономическое могущество отдѣльныя группы капиталистовъ или землевладѣльцевъ, то торговые договоры диктовались не столько интересами массы населенія или потребителей, сколько интересами этихъ наиболѣе сильныхъ группъ. Часто интересы всей страны приносились въ жертву интересамъ отдѣльныхъ группъ предпринимателей, несмотря на протесты другихъ заинтересованныхъ слоевъ населенія.

Точно такъ же въ Россіи запретительныя (по существу) пошлины на многія иностранныя издѣлія и полуфабрикаты не только удорожали предметы потребленія народныхъ массъ, но часто мѣшали дальнѣйшему усовершен-

---

*) Мнѣ приходится полемизировать главнымъ образомъ съ Сухановымъ, потому что у него встрѣчается наиболѣе толковое обоснованіе противоборчества.

*ствованію покровительствуемыхъ отраслей промышленности»**).

Почему Сухановъ превратилъ меня въ защитника существующихъ таможенныхъ пошлинъ, когда ясно мною написано противоположное? Почему онъ превратилъ меня въ протекціониста? Да потому, что онъ самъ фритредеръ, потому что онъ мыслитъ, что каждый экономистъ, какъ и полагается вульгарному экономисту, долженъ быть *или* фритредеромъ, или протекціонистомъ и не представляетъ себѣ, что можно быть ни тѣмъ, ни другимъ: *или* фритредеръ *или* экономистъ, *или* пораженецъ *или* агрессивный націоналистъ, *или* движеніе, *или* конечная цѣль, *или* шовинистъ *или* интернаціоналистъ, *или* въ ручку пожалуйте *или* въ морду... Какъ все просто!

Этимъ упрощеннымъ мышленіемъ, а не злой волей объясняется и превращеніе меня изъ фритредера, которымъ я никогда не былъ, въ протекціониста, которымъ я не намѣренъ быть, этимъ объясняется и то, что моя аргументація совершенно непонятна Суханову и неправильно имъ истолковывается. Попытаюсь объяснить свои, ранѣе высказанныя мысли, наиболѣе популярнымъ языкомъ.

Китайцы могли находить свою таможенную политику очень скверной и тѣмъ не менѣе, когда ихъ пушечными выстрѣлами заставили покупать опіумъ, они вправѣ были бороться противъ этого. У ирландцевъ могла быть очень плохая экономическая политика, но когда англичане

---

*) И *еще* далѣе я писалъ: «Въ таможенной политикѣ Россіи *въ теченіе* XIX столѣтія проявлялись двѣ тенденціи: интересы фиска и защита интересовъ промышленниковъ». Это Сухановъ называетъ защитой «нашей протекціонной системы». Смѣшавши оборонцевъ съ націоналистами, превративши оборонцевъ и въ томъ числѣ меня въ протекціонистовъ, Сухановъ объясняетъ «эту грустную метаморфозу... на счетъ военной психологіи, на счетъ эмоцій». Дѣло объясняется проще: метаморфоза произошла въ брошюрѣ Суханова, а не въ дѣйствительности.

насильно заставили ихъ покупать свои товары, то ирландская промышленность, допустимъ, скверная промышленность, погибла. Можно не быть сторонникомъ современной таможенной системы сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ и тѣмъ не менѣе находить, что освобожденіе ихъ отъ таможенной политики Англіи было необходимо для экономическаго развитія. Можно отрицательно относиться къ современной таможенной политикѣ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ считать еще болѣе гибельной таможенную систему, продиктованную германской промышленной буржуазіей и германскими аграріями, хотя бы потому, что русскіе предприниматели все-таки не стремятся уничтожить русскую промышленность, а лишь наложить дани на русскаго потребителя.

Насколько трудно съ охарактеризованнымъ мною мышленіемъ *) понять необывательскую логику, показываетъ опять-таки полемика Суханова.

Указывая на опасность побѣды Германіи, я охарактеризовалъ международныя экономическія отношенія такимъ образомъ: Англія, Франція и Бельгія ввозятъ въ Россію

---

*) Этимъ обывательскимъ мышленіемъ и объясняется то, что широкіе слои демократіи, не заинтересованные въ хищничествѣ, заражаются шовинизмомъ. Ибо обыватель мыслитъ такъ: онъ долженъ быть или пораженцемъ и антиоборонцемъ или націоналистомъ-завоевателемъ. Вся обывательская пресса, въ томъ числѣ и антиоборонческая, утверждаетъ его въ этомъ. Обывателю-демократу не приходитъ и въ голову, что онъ можетъ стоять за оборону страны, не покушаясь на независимость другихъ странъ. На этой обывательской логикѣ и психологіи и базируется шовинизмъ, такъ какъ оборона страны диктуется и чувствомъ и логикой. Противооборончество, слѣдуя обывательской логикѣ, очень много потрудилось для превращенія этого здороваго стремленія къ оборонѣ страны въ агрессивный шовинизмъ. Такъ какъ антиоборончество непріемлемо для здороваго сознанія массъ, то безъ правильнаго освѣщенія значенія обороны неизбѣжно развивается агрессивный націонализмъ.

не столько товары, сколько капиталъ. Это имѣетъ огромное значеніе прежде всего для рабочаго класса Россіи. Ввозъ капиталовъ въ Россію ведетъ къ развитію *внутри* страны фабричнозаводской промышленности, вызываетъ спросъ на рабочія руки и т. д. Едва ли требуется это доказывать. Германія, *несмотря на колоссальныя пошлины,* ввозила, *главнымъ образомъ, фабрикаты, а не капиталы.* Если бы Германія, благодаря своей побѣдѣ, продиктовала намъ условія таможенной политики, то, конечно, для того, чтобы удесятерить свой вывозъ фабрикатовъ *на счетъ* русской промышленности. О русской промышленности Германія не заботится, такъ же какъ не заботится о русскомъ потребителѣ. Ясно, что существуетъ большое различіе между ввозомъ капиталовъ въ страну и ввозомъ фабрикатовъ.

Сухановъ, доказывая, что Россія, какъ отсталая страна, не можетъ конкурировать съ Западной Европой, вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что Англія, Франція и Бельгія ввозили въ Россію, главнымъ образомъ, капиталы, т.-е. *содѣйствовали* промышленному развитію страны, а Германія ввозила, главнымъ образомъ, *товары.* «Въ Россіи», пишетъ Сухановъ, «Германія видитъ колоссальный рынокъ для своихъ фабрикатовъ». Но вѣдь это при запретительныхъ почти пошлинахъ! Слѣдовательно, если Англія, Франція и Бельгія удесятерятъ ввозъ въ Россію капиталовъ, то, выражаясь словами Суханова, «для потребительскихъ массъ и производительныхъ силъ страны эти предпріятія принесутъ большую пользу, понижая уровень цѣнъ и повышая спросъ и цѣну на рабочія руки». Если же вмѣсто ввоза капиталовъ Германія, при своей побѣдѣ, будетъ ввозить не капиталы, а фабрикаты, то вѣдь русская промышленность, какъ признаетъ и Сухановъ, не можетъ съ ними конкурировать. Сухановъ даже признаетъ, что ввозъ капиталовъ въ Россію былъ способомъ обхода таможенныхъ загражденій, т.-е. и тѣ германскія фабрики,

которыя были въ Россіи, не возникли бы, если бы Германія продиктовала таможенныя отношенія съ Россіей. Ясно, что когда авторъ, приводившій изложенные факты, пойметъ различіе въ значеніи ввоза капиталовъ въ Россію и ввоза товаровъ, *на условіяхъ*, *продиктованныхъ Германіей*, онъ долженъ будетъ обратить на самого себя всю ту нелестную характеристику, которую онъ далъ «оборонцамъ».

Такъ же, какъ обывательскій шовинизмъ опирается на противопоставленіи агрессивнаго націонализма пораженчеству, протекціонизмъ, покровительствующій небольшой группѣ предпринимателей, опирается на противопоставленіе протекціонизма фритредерству.

Для демократа и недемократа ясно, что если сразу уничтожить таможенныя пошлины, установившіяся въ теченіе десятилѣтій, то огромная часть предпріятій погибнетъ вслѣдствіе неприспособленности къ конкуренціи съ передовыми капиталистическими странами. Эта опасность побуждаетъ обывательскую массу итти на поводу у предпринимателей, опустошающихъ карманы этихъ обывателей посредствомъ высокихъ пошлинъ, потому что ослабленіе или уничтоженіе русской промышленности отдастъ страну на потокъ и разграбленіе иностраннаго капитала. Обывательское представленіе о таможенной политикѣ, такъ искусно поддерживаемое Сухановымъ, выражается въ формулѣ *или* фритредерство, полная свобода торговли, *или* протекціонизмъ, диктуемый аппетитами предпринимателей. Естественно, что обыватель мирится съ протекціонизмомъ, хотя и ворчитъ на его тягость.

Борьба съ протекціонизмомъ была и будетъ необходима не предоставленіемъ иностранному капиталу эксплуатировать обывателя-потребителя путемъ уничтоженія туземной промышленности, а ослабленіемъ таможенной охраны, борьбой заинтересованныхъ общественныхъ силъ *внутри страны*, ослабленіемъ таможенныхъ стѣнъ до полнаго ихъ

уничтоженія въ *процессѣ* хозяйственнаго развитія. Обыватель-потребитель мало интересуется этимъ процессомъ. Ему нужно дешево купить, не считаясь съ тѣмъ, гдѣ произведено данное, напримѣръ, металлическое издѣліе—внутри страны, или за границей. Но для рабочаго-металлиста не все равно, построена ли фабрика въ Россіи, или издѣлія ввозятся въ готовомъ видѣ изъ-за границы, потому что въ послѣднемъ случаѣ онъ, какъ металлистъ, не можетъ существовать въ Россіи. Поэтому задачей демократіи является борьба противъ таможенныхъ пошлинъ лишь такимъ путемъ, чтобы ихъ уничтоженіе *не уничтожило уже существующей* промышленности, а, напротивъ, дало ея развитію новый толчокъ. Ожидать, что германскіе фабриканты-металлурги будутъ заботиться о сохраненіи русской промышленности, по меньшей степени, наивно. А Сухановъ ожидаетъ, что они облагодѣтельствуютъ русское хозяйство дешевизной продуктовъ! Чисто обывательско-потребительская точка зрѣнія...

Но, успокаиваетъ читателя Сухановъ, вѣдь и въ случаѣ отраженія Германіи иностранное «засилье» останется: Англія и Франція, вмѣсто Германіи, будутъ снабжать Россію фабрикатами. Для чего же защищаться?

Да для того и потому, что современныя имперіалистическія государства не приносятъ на концахъ штыковъ ни экономическаго, ни политическаго благополучія. Потому, что торговые договоры *не съ побѣдителями*, которыми не могутъ быть по отношенію къ Россіи, ни Франція, ни Англія, *предполагаютъ равенство договаривающихся сторонъ.* До войны никакого засилья иностранцевъ въ Россіи не было просто потому, что не было насильственныхъ торговыхъ договоровъ, начертанныхъ саблей, *а было* соглашеніе договаривающихся равныхъ сторонъ.

Сухановъ, въ полемикѣ со мной, смѣшиваетъ меня съ правыми вопленниками, кричащими о нѣмецкомъ засильѣ. Это просто полемическій пріемъ, о которомъ можно лишь

пожалѣть, пріемъ, чтобы дискредитировать мысль оппонента..

Опасность для русскаго народнаго хозяйства можетъ быть *только* при побѣдѣ надъ Россіей болѣе развитой капиталистической страны, которая можэть воспользоваться побѣдой для насильственнаго установленія тѣхъ или другихъ торговыхъ отношеній. Въ данный моменетъ, въ данной войнѣ такая опасность можетъ быть лишь со стороны Германіи, не только потому, что Германія является нападащей страной, но и потому, что она въ настоящій періодъ своего развитія стремится вывозить не капиталы, а товары.

«Особенность колоніальной и торговой политики Англіи,—писалъ я *),—обусловливается не характеромъ націи, даже не ея болѣе демократическимъ государственнымъ строемъ, а той ступенью экономическаго развитія, на которой находится теперь Англія, обладающая наибольшей суммой накопленныхъ капиталовъ. Англійскій капиталъ не обладаетъ бо̀льшими добродѣтелями, чѣмъ капиталъ въ другихъ странахъ». Наивно было бы думать, что побѣда тройственнаго согласія надъ Германіей и Австріей принесетъ какое-нибудь особенное благополучіе демократіи побѣдившихъ странъ.

Демократическое оборончество исходитъ изъ той мысли, что война есть общая бѣда, но наибольшій вредъ она приноситъ и принесетъ тогда, когда приводитъ къ экономическому или политическому угнетенію какой-либо страны. Такъ какъ демократія каждой страны можетъ во время войны только вооруженнымъ отпоромъ оказать сопротивленіе завоеванію и угнетенію своей родины, то для нея нѣтъ другой позиціи, кромѣ обороны, пока есть опасность.

Если вскрыть подоплеку антиоборончества въ Россіи, то его источникомъ можетъ быть только увѣренность,

---

*) Ibid., стр. 40.

что *современная* Россія, современные вершители ея судебъ безъ демократіи, смогутъ и съумѣютъ дать отпоръ какъ военному нападенію, такъ и опирающейся на него попыткѣ экономическаго и политическаго угнетенія со стороны нападающаго государства. *Антиоборончество, какъ Пилатъ, умываетъ свои руки, предоставляя спасеніе страны официальнымъ ея руководителямъ, очевидно, въ надеждѣ, что они исполнятъ эту задачу.* Во Франціи эта задача была исполнена, благодаря активности въ защитѣ страны демократіи. Только благодаря этому, разорена и разграблена лишь сѣверная часть Франціи, а не вся страна. Въ Бельгіи даже активное участіе демократіи не спасло страну отъ разгрома. Въ Россіи антиоборончество, очевидно, надѣется избѣжать такой перспективы и при пассивности демократіи. Помимо своей воли антиоборончество протягиваетъ свою руку крайнимъ правымъ, которые также не хотятъ активнаго участія демократіи въ оборонѣ страны, полагая, что ея пассивнаго участія вполнѣ достаточно: во всякомъ случаѣ правые находятъ, что лучше разгромъ страны, чѣмъ развитіе самодѣятельности его населенія на почвѣ обороны.

Разумѣется, антиоборончество не боится самодѣятельности населенія, но фактически, борясь противъ оборончества, оно дѣйствуетъ совмѣстно съ крайними правыми, которые изъ протоположныхъ побужденій не хотятъ развитія самодѣятельности населенія, *а въ пассивной оборонѣ демократія все равно принимаетъ наибольшее участіе.*

Благодаря почти полному отсутствію самодѣятельности населенія, въ Россіи не только процвѣтаетъ соціальный утопизмъ, противопоставленіе движенія конечной цѣли, но и придается огромное значеніе фразѣ и позѣ.

Въ сознаніе демократіи еще не проникла мысль, что одинъ шагъ ея движенія впередъ стоитъ тысячи великолѣпныхъ программъ, что стояніе въ позѣ непримиримости съ дѣйствительностью, съ скрещенными руками не прибли-

жаетъ ни на шагъ къ «конечной цѣли», что бойкотизмъ различныхъ проявленій современной тяжелой неустроенной жизни есть проявленіе пассивности, что «лѣвизна» и правизна демократа опредѣляется не хлесткостью фразы, а движеніемъ по пути къ конечной цѣли. При такой особенности россійскихъ настроеній бойкотизмъ, бездѣйствіе съ фразой объ интернаціонализмѣ и конечной цѣли часто оцѣнивается выше, чѣмъ дѣйственность демократіи во всѣхъ областяхъ экономической, культурной и политической жизни.

Поэтому многіе представители русской демократіи смотрятъ свысока на европейскую «оппортюнистическую» демократію, дѣлающую и сдѣлавшую колоссальныя завоеванія во всѣхъ областяхъ жизни.

Поэтому, на ряду съ организаціей цензовыхъ элементовъ на почвѣ обороны страны, мы видимъ безсильное брюзжаніе и бездѣйственность подлинныхъ демократическихъ элементовъ. Разумѣется, при этомъ имѣютъ первостепенное значеніе условія внутренней жизни страны, но, вѣдь, эти условія не падаютъ въ готовомъ видѣ съ неба, а создаются творческой дѣятельностью демократіи, въ особенности, въ моменты общенаціональной опасности, въ моменты постановки національныхъ задачъ, когда силы націи напряжены до крайности!

Цензовые элементы русскаго общества, поворачиваясь спиной къ демократіи въ моментъ національной опасности, тѣмъ самымъ обезсилили себя и національную оборону; но только растерянность демократіи въ критическій моментъ давала возможность не считаться съ ней, поворачиваться къ ней спиной. Наивно было бы ожидать, чтобы, напримѣръ, городской и земскій союзы по собственному почину стали что-либо дѣлать для безцензовой демократіи безъ проявленія ея активности. Демократія дѣлаетъ много справедливыхъ упрековъ буржуазному либерализму, но не мѣшаетъ критически относиться и къ своимъ собственнымъ шагамъ. Къ этому русская демократія не привыкла...

IV.

Европа охвачена братоубійственной войной. Европейская демократія, на которую русская демократія смотрѣла какъ на старшую, болѣе опытную сестру, принимаетъ горячее и активное участіе въ этой войнѣ. Передъ русской демократіей всталъ неожиданно вопросъ: гдѣ же правда? гдѣ истинный путь, кто обманулъ или обманутъ, кто измѣнилъ традиціямъ демократіи?

Всѣ ошиблись, всѣ обмануты, или только часть европейской демократіи впала въ роковую ошибку?

Демократія Германіи утверждаетъ, что она обороняетъ страну такъ же, какъ демократія Бельгіи и Франціи. Если всѣ обороняются, то кто же нападаетъ? Если въ началѣ войны германская демократія могла быть введена въ заблужденіе, что на Германію напали, то послѣ завоеванія Бельгіи и части Франціи, послѣ захвата Польши и Сербіи стало ясно, что Германія не обороняется, а дѣлаетъ завоеванія. Если въ началѣ войны недальновидные люди думали, что опасность грозитъ Германіи со стороны Россіи, а не обратно, то теперь они должны бы исцѣлиться отъ этого заблужденія. А, исцѣлившись отъ заблужденія, нельзя утверждать, что всѣ ошибаются, что демократія Франціи, Бельгіи и Англіи и оборонцы въ Россіи встали на тотъ же ложный путь, на которомъ стояла и, пока, стоитъ германская демократія. Германія напала, демократіи сосѣднихъ странъ защищаются; встала на неправильный путь не вся международная демократія, кромѣ русскихъ и сербскихъ противооборонцевъ, а только большинство германской демократіи и русскіе противооборонцы. При современныхъ хищническихъ тенденціяхъ капиталистическихъ странъ, *пока демократія не въ силахъ предупредить войну* пострадаетъ больше всего та страна, гдѣ сильнѣе противооборонческія теченія.

Возможно ли допустить, чтобы демократія была ви-

виновникомъ наибольшихъ бѣдствій, связанныхъ съ войной, виновникомъ пораженія, чтобы демократія взяла на себя отвѣтственность за это? А успѣхъ противооборончества приводитъ неизбѣжно къ пораженію. Постоянной задачей демократіи всѣхъ странъ остается и останется устраненіе *возможности* войны, а не устраненіе самообороны. Конечно, и при самооборонѣ страны, какъ это случилось съ Бельгіей и отчасти съ Франціей, они испытали пораженія. Но отвѣтственность за эти пораженія падаетъ не на демократію этихъ странъ.

Итакъ, стоитъ на ложномъ пути не вся интернаціональная демократія, поскольку она стоитъ на точкѣ зрѣнія самообороны, а большинство германской демократіи, которая достаточно ясно формулировала свои завоевательныя цѣли. Въ резолюціи Давида объ условіяхъ заключенія мира подъ невинной фразеологіей скрываются тенденціи экономической эксплуатаціи сосѣднихъ странъ. Правда, аннексій германская соціалдемократія не хочетъ,—онѣ ничего и не дадутъ ей, кромѣ пониженія заработной платы, кромѣ конкуренцій неорганизованныхъ рабочихъ иностранцевъ,—но жажда экономической эксплуатаціи заграничныхъ рабочихъ ясно обнаруживается. Это видно изъ слѣдующаго пункта: «Для обезпеченія свободы (!) экономическаго развитія *германскаго народа* мы требуемъ: «политики открытыхъ дверей», т.-е. равнаго для всѣхъ права на хозяйственную дѣятельность во всѣхъ колоніальныхъ областяхъ; включенія пункта о «наиболѣе благопріятствуемой націи» *въ мирные договоры* со всѣми воюющими державами; поощренія экономическаго сближенія (силою оружія! П. М.) путемъ уничтоженія, насколько возможно (оружіемъ! П. М.) таможенныхъ ставокъ и преградъ для сообщеній» *). Послѣ «поощренія экономическаго сближенія» съ Китаемъ, продѣланнаго по-

---

*) См. «Нашъ Голосъ» № 6.

средствомъ пушекъ европейцами, германская соціалдемократія теперь хочетъ такого же поощренія по отношенію къ воюющимъ съ ней странамъ, т.-е. навязыванія пушками своихъ товаровъ. Хорошій путь сближенія! Вмѣсто того, чтобы бороться со своими аграріями, предполагается насильно сбывать германскіе товары въ воюющія съ Германіей страны, разжирѣть па почвѣ, удобренной пролетаріями сосѣднихъ, болѣе отсталыхъ странъ. Нетрудно видѣть, что большинство германской соціалдемократіи, выставившее изложенныя выше требованія, стоитъ не на почвѣ самообороны, а на почвѣ нападенія, съ цѣлью пасильственно добиться ввоза германскихъ товаровъ въ сосѣднія болѣе отсталыя страны, «сближаться» съ ними, какъ собака сближается съ блиномъ, цѣликомъ проглатывая его.

Неумѣнье различать такого рода «національную оборону» отъ обороны, не преслѣдующей угнетенія другихъ націй, и составляетъ одну изъ ошибокъ противооборонцевъ, для которыхъ всякая оборона отождествляется съ нападеніемъ.

Едва ли стоитъ останавливаться на томъ, что новая задача, поставленная войной передъ демократіей, задача обороны страны не устраняетъ тѣхъ задачъ, которыя стояли передъ демократіей въ мирное время, до войны. Напротивъ, исходя изъ того, что оборона страны достигаетъ лучше всего своей цѣли тогда, когда самъ и весь народъ обороняется, значеніе прежнихъ, очередныхъ задачъ демократіи усиливается. Поэтому неправильно и то противопоставленіе очередныхъ будничныхъ задачъ демократіи задачѣ самообороны, которое часто дѣлается. Нужно только ставить эти задачи такимъ образомъ, чтобы одна не мѣшала другой, а содѣйствовала. Напримѣръ, развитіе самодѣятельности общества было очередной задачей демократіи и до войны. Самооборопа страны какъ разъ требуетъ этой самодѣятельности, а ничуть не находится съ ней въ противорѣчіи. Но, разумѣется, самодѣятельпость не должна *вредитъ* самооборопѣ.

ВОЙНА И ДЕМОКРАТІЯ.

I.

Міровая война захватила демократію всѣхъ европейскихъ странъ совершенно неподготовленной. Эта неподготовленность явилась не столько результатомъ неожиданности войны, сколько результатомъ непродуманности тѣхъ положеній, которыя считались до войны общепринятыми. Поясню это однимъ примѣромъ. Наиболѣе демократическія требованія въ области военной организаціи сводятся къ требованію введенія милиціи вмѣсто постоянныхъ армій. Это требованіе было общепризнаннымъ, какъ наиболѣе цѣлесообразное при существованіи капиталистическаго строя. Но назначеніе милиціи должно было заключаться не только въ парадированіи передъ обывателями, но какъ наиболѣе цѣлесообразное орудіе *самозащиты* страны противъ нападенія другой страны. Т.-е. демократія считала самозащиту страны отъ нападенія одной изъ своихъ задачъ. Очевидно также, что стремленіе замѣнить постоянную армію милиціей вытекало изъ желанія устранить завоевательныя стремленія, которыя связаны съ милитаризмомъ.

Принципъ самозащиты отъ внѣшняго политическаго или экономическаго гнета настолько глубоко укрѣпился въ умахъ демократіи, что даже германское правительство, нападая на сосѣднія страны (начиная съ Сербіи), старалось показать, что оно только защищается и въ цѣляхъ самозащиты вторглось въ Бельгію.

Но если самозащита не только не противорѣчитъ интересамъ демократіи и интернаціонала, но выдвигается въ программѣ демократіи (въ видѣ требованія милиціи), то нападки на бельгійскихъ и французскихъ соціалистовъ, принявшихъ горячее участіе въ самозащитѣ*) Франціи и Бельгіи, очевидно, вытекаютъ изъ недостаточно продуманнаго отношенія къ старымъ программнымъ требованіямъ. Въ этомъ и сказалась неподготовленность демократіи къ войнѣ.

Среди представителей русской демократіи эта неподготовленность выразилась и въ другомъ явленіи. Многіе единомышленники неожиданно другъ для друга оказались разномыслящими въ вопросѣ о войнѣ, а многіе, бывшіе въ разныхъ лагеряхъ по другимъ основнымъ вопросамъ общественно-политической жизни, оказались по отношенію къ войнѣ въ одномъ лагерѣ. При россійскихъ литературныхъ нравахъ это повело къ заушеніямъ къ, вѣроятно, безсознательнымъ литературнымъ передержкамъ и т. д. **). Все это было бы очень печально, если бы, какъ я постараюсь показать, это не было скоропреходящимъ. Въ результатѣ такой неподготовленности являются даже попытки, на основаніи временнаго расхожденія по вопросу о войнѣ, обосновать новый фракціонный «красный передѣлъ», игнорируя всю предшествовавшую въ теченіе десятилѣтій общественно-политическую дѣятельность.

Такъ, Н. Н. Сухановъ въ статьѣ «Мысли и дѣла» («Современникъ» апрѣль 1915 г.), «обзывая» сторонниковъ самозащиты страны «сторонниками войны» и «націоналистами», легкомысленно беретъ на себя чрезвычайно смѣлую

---

*) Мы не говоримъ о тѣхъ или другихъ промахахъ французскихъ или бельгійскихъ соціалистовъ, промахахъ, которые были неизбѣжны въ такомъ крупномъ событіи.

**) Чтобы устранить элементъ «заушеній», я не буду приводить многочисленныхъ примѣровъ такого рода полемики.

задачу внести въ демократію раздѣленіе по новому признаку, по отношенію къ войнѣ.

Это опять-таки вытекаетъ изъ неподготовленности массы демократіи къ такому явленію, какъ вспыхнувшая война. Наконецъ, неподготовленность выразилась и въ томъ, что большинство представителей демократіи имѣетъ неясное представленіе объ экономическомъ значеніи войны. Приведу одинъ, но достаточно яркій примѣръ. Въ «Сибирскомъ Обозрѣніи» въ статьѣ «Демократія среди воюющихъ странъ», Квирильскій, полемизируя со мной, пишетъ: «Въ 1904 году Германія принудила правящую Россію къ торговому договору, *сущность котораго сводится къ примѣненію принципа свободной торговли по отношенію къ фабрикатамъ*, *ввозимымъ изъ Германіи въ Россію*, при сохраненіи протекціонныхъ пошлинъ на продукты сельскаго хозяйства, ввозимые изъ Россіи въ Германію». Когда я писалъ объ опасности для Россіи при побѣдѣ Германіи обратиться въ колонію Германіи, то я, именно, опасался тѣхъ отношеній, которыя, по мнѣнію Квирильскаго, *уже существуютъ* съ 1904 года. Ибо эти отношенія *съ экономической стороны* и характерны для отношеній метрополіи къ колоніи. По мнѣнію Квирильскаго, Россія *уже была* колоніей Германіи съ 1904 года. Такая неосвѣдомленность является результатомъ неподготовленности къ пониманію значенія современныхъ событій и отражается вредно не только на взглядахъ автора... Этотъ, какъ и перечисленные выше факты, объясняется, конечно, не легкомысліемъ авторовъ, а исключительно неподготовленностью къ происходящимъ событіямъ.

II.

Если бы исходить только изъ приведенныхъ мною фактовъ, то положеніе дѣла должно было бы казаться,

если не безнадежнымъ, то очень тяжелымъ. Многіе авторы, писавшіе о демократіи и войнѣ, дѣйствительно, приходятъ къ крайне пессимистическимъ выводамъ. Но я позволю себѣ утверждать, что и эти пессимистическіе выводы также являются результатомъ неожиданности войны и вызванныхъ ею слѣдствій и что положеніе вещей вовсе не такъ безысходно, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Главная трудность положенія, въ которое попала европейская демократія, заключается въ томъ, что національные интересы демократіи воюющихъ странъ какъ-будто вступили въ противорѣчіе съ интернаціональными интересами, что тѣ и другіе многимъ представляются непримиримыми.

Если бы, дѣйствительно, національные интересы были непримиримы съ интересами интернаціональными, то тѣ, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія необходимости защиты національныхъ интересовъ, должны столкнуться съ тѣмъ, кто выше ставитъ интересы интернаціональные. Но эта бѣда была бы еще не большая. Какъ мы замѣтили, и сейчасъ уже есть любители расколовъ и раздѣловъ, готовые по признаку защиты національныхъ и интернаціональныхъ интересовъ дѣлиться на ся. Къ этому мы привыкли. Но дѣло обстояло бы гораздо хуже: если бы національные интересы были противоположны и непримиримы съ интернаціональными, то *существованіе интернаціонала было бы утопіей*. Ибо широкія народныя массы никогда не встали бы на интернаціональную точку зрѣнія, никогда не были бы ея сторонниками, *если бы* она противорѣчила непосредственнымъ ближайшимъ интересамъ этихъ народныхъ массъ. Идеалистическіе моменты въ исторіи, разумѣется, имѣютъ огромное значеніе, но лишь постольку, поскольку они опираются на реальные интересы.

Къ счастью, національные интересы вовсе не находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ интересами другихъ націй, съ интернаціональными интересами.

Задача демократіи и заключается въ томъ, чтобы защита національныхъ интересовъ не находилась въ противорѣчіи съ интересами интернаціональными. Этимъ и должна опредѣляться линія поведенія демократіи.

Линія ея поведенія во время мира является общепризнанной и не нуждается въ комментаріяхъ.

Но вотъ вспыхнула война. Уже изъ поведенія демократіи во время мира ясно, что война не можетъ быть вызвана демократіей. Если бы демократія была въ силахъ предупреждать и устранять войны, то ей нечего было бы выдвигать принципъ милиціоннаго вооруженія, такъ какъ тогда и милиція была бы не нужна. Очевидно, если, напримѣръ, во Франціи шли споры о замѣнѣ трехлѣтней службы милиціей, то для того, чтобы имѣть возможность *защищаться*, но не падать, не завоевывать. Этой исходной точкой зрѣнія должна была руководствоваться демократія и во время войны.

Но оставаясь вѣрной основному, изложенному нами принципу, демократія не можетъ имѣть одинаковаго отношенія къ войнѣ на различныхъ стадіяхъ ея развитія. Впрочемъ, одинаковаго отношенія къ веденію войны не можетъ быть ни у одной части населенія страны, потому что, въ противномъ случаѣ, войны никогда не кончались бы до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ противниковъ не уничтоженъ.

Но это измѣненіе отношенія къ войнѣ у различныхъ слоевъ населенія и у различныхъ партій не одинаково. Когда задача самозащиты со стороны населенія данной страны исполнена, когда опасность экономической или политической зависимости благодаря нападенію другой страны исчезла, для демократіи продолженіе самозащиты является уже безцѣльнымъ, между тѣмъ, какъ націоналисты *съ этого момента* начинаютъ ставить завоевательныя цѣли. Поэтому, напримѣръ, во Франціи или Бельгіи объединеніе всѣхъ слоевъ населенія въ цѣляхъ самозащиты,—если демократія будетъ послѣдовательной,—бу-

детъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Германія не согласится очистить Бельгію и Францію.

Такимъ образомъ, постольку, поскольку французская или бельгійская демократія еще находится въ стадіи самозащиты, въ періодѣ очищенія своей территоріи отъ вторгнувшейся Германіи, она не можетъ говорить о мирѣ, если въ состояніи бороться. Но если задача самозащиты исполнена, демократія, будучи послѣдовательной, должна добиваться заключенія мира. При этомъ условіи и правительство нападающей страны будетъ склонно къ заключенію мира, такъ какъ его завоевательныя цѣли не могутъ быть осуществлены. До этого момента требованіе мира со стороны французской и бельгійской демократіи было бы равносильно отдачѣ завоеванныхъ провинцій завоевателю, такъ какъ вопросъ о мирѣ, такъ же, какъ и начало войны, рѣшается начавшимъ войну правительствомъ. Пока германская демократія не добилась очищенія завоеванныхъ провинцій, ихъ очищеніе не можетъ быть произведено иначе, чѣмъ самозащитой французской и бельгійской демократіи.

Самозащита страны не находится въ противорѣчіи съ интернаціональными интересами. Но въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ними находятся завоевательныя стремленія. Ибо интернаціональные интересы являются гармоніей національныхъ интересовъ, *выражающейся въ обширномъ сотрудничествѣ демократій* и въ борьбѣ противъ угнетенія другихъ народностей, отъ кого бы это угнетеніе ни исходило. Если бы демократія различныхъ странъ пришла къ мысли о взаимной защитѣ отъ нападеній имперіалистскихъ странъ, то, вѣроятно, ни одно правительство не рѣшилось бы на нападеніе. Даже въ настоящей войнѣ Австро-Венгрія не напала бы на Сербію, если бы знала, что Англія присоединится къ Франціи и Россіи.

При современныхъ завоевательныхъ стремленіяхъ имперіалистическихъ странъ вопросъ о мирѣ тогда, когда

уже сдѣлано одной изъ странъ нападеніе, можетъ рѣшаться въ трехъ направленіяхъ:

1) Непротивленіе нападающему и согласіе на всѣ условія и требованія, какія онъ предъявитъ. Такое поведеніе,—сохраненіе мира во что бы то ни стало,—противорѣчитъ интернаціональнымъ интересамъ, противорѣчитъ принципамъ интернаціонала, потому что приводитъ къ угнетенію тѣхъ, кто не хочетъ войны и открываетъ дорогу для *безудержнаго* хищничества. 2) Сопротивленіе нападающему и, при успѣхѣ, переходъ къ завоеваніямъ. При этомъ условіи роли мѣняются и стремленіе къ самозащитѣ превращается въ стремленіе къ хищничеству и также начинаетъ противорѣчить интернаціональнымъ интересамъ. 3) Принципіальная постоянная позиція самозащиты, ставящая задачей лишь защиту экономическихъ и политическихъ интересовъ своей страны, и признаніе такихъ же интересовъ за всѣми другими странами. Только такая позиція не находится въ противорѣчіи съ интернаціональными интересами и, будучи систематически проводимой демократіями всѣхъ странъ, послужитъ гарантіей противъ завоевательныхъ стремленій имперіалистскихъ странъ.

Наивно было бы думать, что даже послѣ пораженія Германіи имперіалистскій милитаризмъ исчезнетъ. Если въ настоящій моментъ нападающей, наиболѣе сильной и подготовленной стороной была Германія, то въ слѣдующій историческій моментъ можетъ занять такое же положеніе другая страна. Допустимъ, что такой страной будетъ Китай. Допустимъ, что Китай или другая страна, при помощи европейскаго же капитала вооружена «до зубовъ». Если Германія, имѣя внутри страны сильное сопротивленіе агрессивной политикѣ, могла начать борьбу, то страна съ слабой демократіей сдѣлается новой угрозой миру. Очевидно, что и въ будущемъ принципъ несопротивленія при нападеніи, положимъ Китая, явится не только безполезнымъ, но даже вреднымъ.

III.

Но если противникамъ національной самозащиты угрожаетъ опасность впасть въ противорѣчіе съ интересами демократіи собственной страны и играть въ руку завоевательнымъ стремленіямъ страны нападающей, то съ другой стороны сторонникамъ точки зрѣнія самозащиты грозитъ опасность националистическихъ и имперіалистическихъ поползновеній. Ибо завоевательныя стремленія имперіалистовъ исходятъ яко бы изъ интересовъ національной демократіи.

Имперіалистическая агитація, въ особенности за послѣдніе годы, представляла такое огромное идейное явленіе, что даже наиболѣе «ортодоксальные» соціалисты оказались подъ ея вліяніемъ. Такъ, многіе германскіе и нѣкоторые русскіе соціалисты стали утверждать, что развитіе капитализма въ Германіи сдѣлало *необходимымъ и неизбѣжнымъ завоеваніе* для нея новыхъ рынковъ, новыхъ колоній *). Безъ такого-де завоеванія германскому капиталистическому народному хозяйству грозилъ бы крахъ. Изъ этого положенія, въ корнѣ неправильнаго, дѣлаются два противоположныхъ вывода. Одни (германскіе соціалисты праваго крыла) дѣлаютъ выводъ о необходимости поддержки германскаго имперіализма, какъ необходимаго условія для существованія германскаго народнаго хозяйства. Другіе дѣлаютъ чисто синдикалистскій выводъ о необходимости и неизбѣжности *теперь же* перескочить въ новый экономическій строй, такъ какъ капитализмъ «изжилъ себя» и не можетъ больше существовать безъ новыхъ завоеванныхъ рынковъ и міровыхъ войнъ. Исходя изъ

---

*) Эта «необходимость» захватить чужое присуща всѣмъ странамъ, при чемъ аппетиты обнаруживаютъ одинаково и консерваторы и либералы...

этого, пришлось бы признать и выводъ, что пока міровое хозяйство и міровыя соціальныя отношенія остаются не подготовленными для новаго соціальнаго строя, до тѣхъ поръ міровыя войны будутъ необходимы для существованія современнаго хозяйства. Т.-е. общая посылка крайнихъ соціалистовъ съ имперіалистами приводитъ первыхъ въ объятія послѣднихъ. Имперіалисты въ такомъ случаѣ правильно утверждаютъ, что если завоеваніе необходимо для существованія народнаго хозяйства, то и завоевательная война необходима: вѣдь если осуществленіе другого высшаго экономическаго строя въ *настоящій моментъ* невозможно, то развитіе капиталистическаго хозяйства неизбѣжно, какъ необходимой предпосылки лучшаго строя, такъ какъ капитализмъ все-таки является высшей, сравнительно съ предыдущими, формой хозяйственнаго развитія. Къ счастью, сама посылка, изъ которой исходятъ имперіалисты, совершенно неправильна. Напримѣръ, для Германіи, которая въ послѣдніе годы вела наиболѣе агрессивную политику, вызвавшую войну, завоеваніе новыхъ рынковъ вовсе не было необходимо, хотя и было бы выгодно. Какъ я старался показать въ своей брошюрѣ («Экономическія причины міровой войны»), Германія экономически развивалась быстрѣе другихъ капиталистическихъ странъ, *несмотря* на отсутствіе колоній и, въ значительной степени, *благодаря* ихъ отсутствію. Разумѣется Германіи было бы выгоднѣе сбывать въ Россію товаровъ не на 800 мил., а на 8 милліардовъ путемъ безпошлиннаго вывоза и уничтоженія русской промышленности, но и безъ этого Германія развивалась и могла бы дальше развиваться. Если и произошло военное столкновеніе то не потому, что *оно неизбѣжно* вызывалось экономическимъ развитіемъ Германіи, а потому, что въ Германіи соціальныя силы, поддерживавшія милитаризмъ, оказались сильнѣе противоположныхъ силъ. При болѣе демократическомъ строѣ Германіи *этого* конфликта могло бы и не быть. Его

вѣроятно не было бы, если бы въ Германіи были увѣрены въ присоединеніи Англіи къ Франціи и Россіи...

IV.

Германія, оказавшись болѣе другихъ подготовленной, болѣе другихъ странъ заинтересованной въ войнѣ, начала ее съ полной надеждой на побѣду и завоеваніе. Тѣмъ не менѣе почти всѣ слои германскаго населенія утверждаютъ, что нападающей стороной не является Германія, что при современныхъ условіяхъ трудно рѣшить, кто является нападающей стороной, и кто защищается. То же говорятъ и германскіе соціалисты, а за ними и нѣкоторые другіе. Всѣ, дескать, драчуны, праваго и виноватаго не найдешь. Если исходить изъ моральной точки зрѣнія, то, можетъ быть, и трудно, если не невозможно найти праваго и виноватаго. Но когда идетъ рѣчь о самозащитѣ и нападеніи, то вопросъ разсматривается не съ моральной точки зрѣнія. Всѣ современныя государства, такъ же какъ и раньше, питаютъ поползновенія къ захвату или эксплуатаціи сосѣднихъ странъ и тѣмъ не менѣе мы можемъ разобраться, кто нападаетъ и кто защищается. Сербія могла имѣть самыя хищническія поползновенія на Австрію, все-таки Австрія напала на Сербію, а не обратно. Бельгійцы могли мечтать (мечтать не возбраняется) проглотить Германію, но напала на Бельгію Германія. Россія, можетъ быть, черезъ десятилѣтіе могла бы обладать большей военной силой, чѣмъ Германія, но въ 1914 году была подготовлена къ нападенію именно Германія. Г. В. Плехановъ въ своей статьѣ, по моему мнѣнію, очень остроумно и правильно замѣтилъ, что кто отказывается отъ рѣшенія вопроса о томъ, какая страна нападаетъ и какая защищается, тотъ тѣмъ самымъ признаетъ себя неспособнымъ обсуждать вопросъ о войнѣ.

Когда опасность для Россіи экономическаго, а для Сербіи и Бельгіи политическаго порабощенія завоевателями исчезнетъ, то на смѣну явятся не только націоналистическія вожделѣнія различныхъ общественныхъ группъ, но и вожделѣнія опустошить карманы своихъ соотечественниковъ подъ фирмой патріотизма. Многіе предприниматели уже предвкушаютъ эксплуатацію своей страны путемъ повышенія таможенныхъ пошлинъ, спекулируютъ, пользуясь дороговизной, и, крича о «нѣмецкомъ засиліи», набиваютъ карманы и т. д. Все это затрудняетъ правильную постановку вопроса о самозащитѣ, но не измѣняетъ ее, а только побуждаетъ строже ограничиваться отъ загребистыхъ «патріотовъ» либеральной, или консервативной марки одинаково.

САМОЗАЩИТА.

I.

Міровая война показала современному обществу не только великія опасности, которыми грозятъ всему міру и всей культурѣ хищническія поползновенія имперіалистовъ различныхъ странъ, но и полную *идейную* неподготовленность демократическихъ слоевъ общества для борьбы противъ международнаго хищничества. Эта неподготовленность, какъ я уже указывалъ выше, проявилась прежде всего въ томъ, что не было достаточно критическаго отношенія къ экономическому обоснованію имперіализма.

Даже соціалистическіе писатели (особенно въ Германіи) утверждали, что капитализмъ достигъ такой стадіи развитія, при которой онъ не можетъ существовать безъ колоній, что борьба за колоніи является *необходимымъ* условіемъ существованія капитализма. Т.-е. капиталистическая страна безъ завоеванія колоній должна остановиться въ своемъ экономическомъ развитіи, или должна перейти къ другимъ формамъ производства.

Но такъ какъ при современныхъ условіяхъ нѣтъ достаточныхъ соціальныхъ силъ для переустройства общества,—этихъ силъ оказалось недостаточно даже для того, чтобы предотвратить войну,—то признаніе *необходимости* для капитализма колоній является признаніемъ и необходимости войны. Германскіе ортодоксы, писавшіе о необходимости для капитализма колоній, давали основаніе для практическихъ выводовъ, которые

дѣлались германскими ревизіонистами, оказавшимися болѣе послѣдовательными.

Въ дѣйствительности и тѣ и другіе были неправы: Германія экономически развивалась быстрѣе другихъ странъ именно благодаря тому, что у нея не было колоній, благодаря тому, что капиталъ меньше вывозился въ колоніи, а реализовался въ производствѣ внутри страны, а товары вывозились въ другія капиталистическія страны.

Разумѣется, сильнѣйшія группы хищниковъ въ каждомъ капиталистическомъ государствѣ стремятся къ пріобрѣтенію колоній, такъ же какъ предприниматели стремятся къ пониженію заработной платы, къ усиленнымъ вооруженіямъ и т. д. Но капитализмъ можетъ развиваться и при высокой—заработной—платѣ, страна можетъ существовать безъ постоянной арміи и предохранить себя отъ нападеній милиціей и т. д. Завоеваніе колоній такъ же какъ и милитаризмъ въ видѣ постоянной огромной арміи вовсе не необходимы для дальнѣйшаго развитія капиталистическихъ странъ. Напротивъ Соединенные Штаты съ ничтожной арміей развивались интенсивно именно благодаря отсутствію большихъ расходовъ на вооруженія; Германія развивалась быстро благодаря отсутствію колоній, куда не отвлекался накопившійся въ странѣ капиталъ.

Мы видимъ, что чѣмъ демократичнѣе страна (Швейцарія, Соединенные Штаты, Англія), тѣмъ въ ней слабѣе милитаризмъ.

Всѣ эти соображенія указываютъ на то, что міровая война не была *необходимымъ* результатомъ капиталистическаго развитія: она была неизбѣжна только потому, что демократія—въ данной войнѣ въ Германіи—не могла или не хотѣла оказать достаточнаго сопротивленія имперіалистическимъ поползновеніямъ вліятельныхъ круговъ общества, вызвавшихъ войну.

Преклоненіе передъ фактомъ, какъ передъ необходи-

мостью, а не какъ передъ несчастіемъ, котораго можно было бы и возможно будетъ при аналогичныхъ условіяхъ избѣгать, является наиболѣе вредной идеологіей.

II.

Въ *настоящее* время война является уже фактомъ, съ которымъ приходится считаться, какъ съ необходимостью, и задача заключается въ томъ, какъ по возможности больше устранить вредныхъ послѣдствій, которыя могутъ явиться результатомъ войны.

Трудность этой задачи заключается въ томъ, что демократія европейскихъ странъ и въ особенности въ Россіи, какъ замѣчено, мало подготовлена къ правильной оцѣнкѣ совершающихся событій.

Хотя въ программахъ наиболѣе демократическихъ партій европейскихъ странъ есть основныя предпосылки, опредѣляющія линіи поведенія демократіи, но значеніе этихъ предпосылокъ недостаточно осознано, въ особенности въ примѣненіи къ данному моменту.

Несомнѣнно демократія правильно формулировала свое отношеніе къ сохраненію политической и экономической независимости своей страны, постановивши принципъ миліціоннаго вооруженія, а къ сохраненію культурной независимости,—принципъ національнаго самоопредѣленія.

Въ примѣненіи къ данному моменту, когда большинство воюющихъ странъ стоитъ передъ задачей самозащиты, когда вообще вооруженіе *по составу* войскъ приблизилось къ миліціонному вооруженію, т.-е. къ вооруженію всего народа, эта демократизація арміи произошла лишь съ внѣшней стороны, а не по существу: въ организаціонномъ творчествѣ самозащиты, даже въ наиболѣе демократи-

ческихъ странахъ все осталось по старому: масса населенія принимаетъ участіе въ самозащитѣ страны пассивно, въ качествѣ военнаго матеріала, а не активно; ибо организаціонные принципы въ самозащитѣ страны остались такіе же, какіе были и при борьбѣ кадровыми войсками, находившимися въ мирное время на службѣ. Это не только ослабляетъ самозащиту, но, что всего опаснѣе, легко можетъ повести при военномъ успѣхѣ къ превращенію самозащиты въ нападеніе, потому что въ «руководящихъ» общественныхъ кругахъ наиболѣе сильны завоевательныя стремленія.

Въ такое положеніе прежде всѣхъ, съ начала войны, попала германская демократія.

Война, начатая Германіей и Австро-Венгріей, съ самаго начала имѣла завоевательный характеръ. Хотя передъ широкими слоями германской демократіи война выставлялась подъ видомъ самозащиты, но среди демократіи было широко распространено пропагандируемое имперіалистами убѣжденіе, что Германіи необходимо расширить свою территорію, свои колоніи, чтобы «занять надлежащее положеніе на заливѣ для нѣмецкаго народа». Этой агитаціей занимались не только нѣмецкіе юнкера, но и нѣкоторые изъ соціалистовъ. Послѣ первыхъ военныхъ успѣховъ въ германской печати стали откровенно проявляться завоевательные аппетиты и о захватѣ чужой территоріи стала говорить вся буржуазная печать.

Въ Россіи аппетиты либерально-бужуазныхъ круговъ общества находились въ прямой зависимости отъ военныхъ успѣховъ и русская печать во время войны отличалась изумительной безпринципностью. Только продвиженіе германцевъ въ предѣлы Россіи заставило удержаться отъ проявленій своихъ аппетитовъ и вспомнить о самозащитѣ. До этого момента защиту отъ нападенія Германіи широкіе круги общества всѣми мѣрами стремились превратить въ войну завоевательную, т.-е. пропагандировали готтентот-

скую мораль, и безъ того наиболѣе распространенную въ современномъ обществѣ: «дурно то, когда у меня воруютъ жену, а хорошо то, когда я ворую чужую жену», дурно, когда другіе ведутъ завоевательную войну и хотятъ аннексировать чужія земли, а хорошо, когда мы захватываемъ чужую страну. Ясно, что такая точка зрѣнія дѣлаетъ непримиримыми между собой интересы воюющихъ странъ, и только мѣняетъ ихъ положеніе: страна, которая раньше находилась въ положеніи самозащиты, при военныхъ успѣхахъ дѣлается завоевательницей, а страна, которая нападала, попадаетъ въ положеніе самозащиты. Такая безпринципность не только не можетъ устранить ужасовъ и несчастій войны, но неизбѣжно ее питаетъ.

Демократія, стоящая на точкѣ зрѣнія самозащиты, признающая за каждой государственной организаціей и за каждой народностью право на самозащиту, не можетъ мѣнять своего отношенія къ этому вопросу въ зависимости отъ военныхъ успѣховъ, потому что стремленіе къ завоеваніямъ являлось не только причиной происходящей войны, но и явится причиной новыхъ войнъ въ будущемъ.

III.

Стремленіе къ самозащитѣ противъ нападающаго, какъ стремленіе къ самосохраненію, является сильнѣйшимъ рычагомъ, который сдвигаетъ общественныя силы изъ ихъ болѣе или менѣе устойчиваго равновѣсія.

Въ русской общественной жизни за послѣднее пятидесятилѣтіе было два момента, когда поставленныя жизнью національныя задачи сдвинули всѣ общественные слои для новаго общественнаго строительства. Въ 1905—6 году въ общенаціональномъ масштабѣ быта поставлена задача національнаго освобожденія отъ безконтрольнаго господства

бюрократіи, для расширенія рамокъ общественной самодѣятельности.

Впереди, въ борьбѣ за эти задачи стояла демократія и за нею въ хвостѣ шли другіе классы общества, которые повернулись противъ демократіи, какъ только имъ показалось, что *для себя* они добились соотвѣтствующихъ реформъ.

Современной войной выдвинута другая общенаціональная задача, задача самозащиты страны отъ экономической и политической зависимости отъ Германіи.

Въ сдвигѣ общественныхъ силъ, вызванномъ войной, главнымъ рычагомъ явился, неизбѣжно, демократическій, по существу, принципъ самозащиты, но за этотъ рычагъ ухватились прежде всего не демократическіе слои общества. Я называю принципъ самозащиты исключительно демократическимъ потому, что, какъ раньше указывалъ, не демократическіе слои общества ставятъ себѣ завоевательныя цѣли и если хватаются за принципъ самозащиты, то или въ цѣляхъ увлечь за собой демократію, или тогда, когда опасность для страны настолько велика, что думать о завоеваніяхъ нелѣпо, не цѣлесообразно.

Схватившись за принципъ самозащиты, какъ наиболѣе могучее орудіе борьбы въ данный моментъ, буржуазныя партіи используютъ его въ эгоистическихъ цѣляхъ, для того, чтобы расчистить себѣ путь къ политической и экономической борьбѣ, чтобы при случаѣ и при благопріятныхъ условіяхъ самозащиту превратить въ завоевательную войну.

Благодаря тому, что принципъ самозащиты не былъ своевременно выдвинутъ демократіей, благодаря тому, что за него схватились общественныя группы, преслѣдующія другія цѣли, самый принципъ въ глазахъ демократіи оказался какъ бы скомпрометированнымъ.

Принципъ самозащиты, подхваченный имперіалистическими кругами, представляется маской, за которой скры-

вается лицо завоевателя. Очевидно, важнѣйшей задачей демократіи является не только задача выяснить истинное значеніе принципа, которымъ она всегда руководствовалась, отстаивая экономическую и политическую независимость всѣхъ странъ, отстаивая право народовъ на самоопредѣленіе, отстаивая милицію, какъ орудіе пригодное для самозащиты, а не для нападенія. Въ задачу демократіи входитъ и постановка самозащиты въ тѣхъ началахъ, на которыхъ она можетъ быть наиболѣе цѣлесообразной: когда ее беретъ въ свои руки самъ народъ черезъ посредство организацій, имъ уполномоченныхъ, когда самозащита не является предлогомъ для наживы отдѣльныхъ общественныхъ группъ и средствомъ для достиженія какихъ-либо эгоистическихъ групповыхъ цѣлей. Такъ какъ самозащита является крупнѣйшей національной задачей, которая выдвинута войной, она оказалась въ состояніи рѣшить тѣ задачи, которыя не могла рѣшить демократія въ другое время.

Возьмемъ, ради примѣра, національный вопросъ. Національный вопросъ въ Россіи всегда являлся больнымъ вопросомъ, но демократія до войны не могла добиться даже надлежащей его постановки для рѣшенія. Дѣло Бейлиса показало до какой степени слабы тѣ общественныя силы, которыя добивались правильнаго рѣшенія національнаго вопроса.

Теперь національный вопросъ поставленъ жизнью въ связи съ вопросомъ о самозащитѣ, и для каждаго ясно, что надлежащее рѣшеніе національнаго вопроса есть вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшеніе вопроса о самозащитѣ, что всѣмъ, кому дорога національная независимость своей страны, нужно встать противъ угнетателей національностей и внутри страны. Съ этой точки зрѣнія врагами отечества оказываются тѣ общественныя группы, которыя присваивали себѣ монополію на патріотизмъ. Съ этой точки зрѣнія исчезаетъ противопоставленіе патріотизма интернаціонализму:

не желая угнетенія своего народа, своей родины нужно быть послѣдовательнымъ и не желать угнетенія другого народа и его родины.

Такъ какъ самозащита наиболѣе дѣйствительна тогда, когда всѣ граждане, всѣ національности, живущія въ странѣ, заинтересованы въ сохраненіи ея независимости, то національный вопросъ въ наиболѣе раціональной, наиболѣе демократической формѣ выдвигается въ связи съ вопросомъ о самозащитѣ и выдвигается настолько властно, что даже въ Россіи его рѣшеніе стоитъ на очереди. Можно было бы указать на цѣлый рядъ другихъ проблемъ внутренней жизни, которыя стоятъ на очереди и которыя тѣсно связаны съ вопросомъ о самозащитѣ. Можно смѣло сказать, что всѣ важнѣйшіе вопросы внутренней жизни, которые ставились въ мирное время и не рѣшались вслѣдствіе безсилія демократіи и сопротивленія реакціонныхъ общественныхъ группъ, всѣ эти вопросы ставятся на очередь въ связи съ вопросомъ о самозащитѣ и властно требуютъ своего рѣшенія. Трудно было до войны ожидать, чтобы октябристы заговорили въ Государственной Думѣ объ амнистіи, о правѣ всѣхъ національностей въ Россіи на гражданское равноправіе, чтобы на городскомъ съѣздѣ представители современнаго городского самоуправленія заговорили о представительствѣ въ общественныхъ организаціяхъ профессіональныхъ союзовъ и т. д. Задача самозащиты поставила эти вопросы не потому, что она несетъ «соціальный миръ», не потому, что отдѣльные классы общества перестали преслѣдовать свои эгоистическіе интересы, а потому, что на ряду съ обыденной жизнью встала еще новая задача, которая можетъ быть рѣшена только въ общенаціональномъ масштабѣ, и рѣшеніе которой требуетъ проявленія активности со стороны широкихъ слоевъ демократіи.

Такимъ образомъ, жизнь создаетъ, повидимому, неожиданный парадоксъ: демократія не хочетъ и не любитъ

войны, но какъ разъ во время войны она раскрываетъ и развертываетъ всѣ свои жизненныя силы. Это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что *самозащита* является одной изъ наиболѣе настоятельныхъ задачъ существованія демократіи, что во время самозащиты ярче всего проявляются ея жизненныя силы.

Въ концѣ XVIII столѣтія французская демократія развернула всѣ свои силы, пока она защищалась отъ коалиціи европейскихъ государствъ, но попала подъ ярмо Наполеона, какъ только перешла къ завоеваніямъ.

Тогда во французской демократіи не было глубоко воспитаннаго сознанія, что задачей демократіи является *только* самозащита, что завоеванія противорѣчатъ въ корнѣ задачамъ и интересамъ демократіи. Поэтому внутри французскаго общества не нашлось достаточно соціальныхъ силъ, которыя могли бы удержать Францію отъ ея побѣдоносныхъ походовъ, въ томъ числѣ и на Москву.

IV.

Военная самозащита является проявленіемъ воли массы населенія къ защитѣ своей экономической, политической и культурной независимости и самостоятельности противъ вторгнувшейся въ страну арміи другого народа. Между тѣмъ, при современныхъ условіяхъ въ большинствѣ государствъ государственная власть стремится выставить завоевательныя стремленія правящихъ классовъ тоже какъ проявленіе воли народа. Завоеватели всегда утверждаютъ, что они стремятся осчастливить не только «свой» народъ, но и покоренныя народности. Ясно, что изъ формулированной выше задачи самозащиты всегда исключается не только завоевательныя агрессивныя цѣли, но и отождествленіе интересовъ правящихъ группъ, или государствен-

ной организаціи, съ интересами народа. Такъ, во время балканской войны въ 70-хъ годахъ возставшія славянскія народности противъ турокъ боролись противъ государственной организаціи, къ которой они принадлежали. Самозащита балканскихъ народовъ даже требовала помощи военныхъ силъ другого государства, *поскольку* оно не ставило завоевательныхъ цѣлей. Такимъ образомъ стремленіе балканскихъ народностей къ самозащитѣ проявилось не только въ возстаніи противъ власти турокъ, т.-е. противъ власти того государства, къ которому онѣ принадлежали; но даже къ союзу съ иноземными войсками, которыя приходили на помощь. Поэтому интересы самозащиты народа не только не требуютъ всегда соціальнаго мира внутри государства, но какъ было въ Турціи въ 70-хъ годахъ, вызываютъ борьбу въ предѣлахъ одного государства.

Тѣмъ не менѣе въ такіе моменты эта борьба внутреннихъ общественныхъ силъ подчиняется основной задачѣ, момента, задачѣ самозащиты. Такъ какъ въ цѣляхъ самозащиты народа наиболѣе цѣлесообразно пробужденіе всѣхъ его живыхъ творческихъ силъ, то демократическія «программы» требованія, вовсе не находятся въ противорѣчіи съ интересами самозащиты, а, напротивъ, вытекаютъ изъ нихъ. Это видно на приведенномъ выше примѣрѣ, въ національномъ вопросѣ.

Такъ какъ принципъ самозащиты эксплуатируется промышленной буржуазіей часто съ завоевательными цѣлями, то одной изъ задачъ демократіи является обнаруженіе и устраненіе подмѣны однѣхъ задачъ другими. Эта подмѣна происходитъ, обычно, на почвѣ смѣшенія интересовъ промышленниковъ и торговцевъ или аграріевъ съ интересами промышленности, торговли и земледѣлія.

Для нѣкоторыхъ группъ промышленниковъ, торговцевъ или аграріевъ можетъ быть выгодно пріобрѣтеніе той или другой территоріи, но вовсе не необходимо для су-

ществованія націи. Между тѣмъ это пріобрѣтеніе и выставляется, какъ національная задача. Такъ въ Германіи присоединеніе бельгійскаго побережья, пріобрѣтеніе колоній и т. д. выставляется, какъ необходимое условіе для дальнѣйшаго преуспѣянія германской промышленности и торговли. Такія же завоевательныя задачи ставились русскими либералами *) и въ сущности ставятся всѣми воюющими странами. Во всей Европѣ происходитъ вакханалія разыгравшихся чудовищныхъ аппетитовъ нѣкоторыхъ общественныхъ группъ въ воюющихъ и нейтральныхъ странахъ.

Этой вакханаліи демократія даже въ наиболѣе передовыхъ странахъ Европы, къ сожалѣнію, не противопоставляетъ опредѣленнаго принципа, который бы, давая мѣсто естественному стремленію людей къ національной независимости, вмѣстѣ съ тѣмъ не давалъ бы почвы для хищническихъ поползновеній. Имъ или противопоставляется безсильное отрицаніе войны уже тогда, когда война стала фактомъ и угрожаетъ независимости тѣхъ или другихъ странъ, или демократія такъ увлекается воинственными кликами, что готова пойти за завоевателями, какъ это случилось въ Германіи и отчасти во Франціи.

Интересы самозащиты каждаго народа находятся въ полной гармоніи съ интернаціональными интересами, потому что для каждой націи одинаково цѣнна и важна политическая, экономическая и культурная независимость.

Такъ какъ каждая нація имѣетъ право на самозащиту и такъ какъ очень трудно опредѣлить, гдѣ кончается самозащита и гдѣ начинается нападеніе, то лучшимъ судьей при рѣшеніи международныхъ отношеній является международное представительство демократіи. Стоя на точкѣ

---

*) Въ событіяхъ, развернувшихся теперь на Балканахъ, не столько виноваты дипломаты, сколько неумѣренные аппетиты публицистовъ, дѣлавшихъ на столбцахъ газетъ обширныя завоеванія.

зрѣнія самозащиты и права національностей на самоопредѣленіе международная демократія можетъ лучше всего опредѣлить не только границы самозащиты, но и условія заключенія мира, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ интересамъ демократіи. Поэтому нельзя назвать иначе, какъ недомысліемъ противопостановленіе національной самозащиты интернаціональнымъ интересамъ демократіи и смѣшеніе самозащиты демократіи съ воинствующимъ націонализмомъ. Къ сожалѣнію, это смѣшеніе встрѣчается на каждомъ шагу. Оно показываетъ, насколько мало подготовлена была демократія къ тѣмъ событіямъ, которыя теперь совершаются и которыя властно требуютъ выясненія вопроса о самозащитѣ и интернаціональныхъ отношеніяхъ.

Большинство германской и австрійской рабочей партіи, по существу, не стоитъ на точкѣ зрѣнія обороны, такъ какъ для этого большинства выяснился завоевательный характеръ войны, начатой Германіей и Австріей. Эти завоевательныя стремленія видны и изъ приведенной выше резолюціи германской рабочей партіи по вопросу о заключеніи мира, хотя большинство и высказалось противъ аннексій. Но, какъ я старался показать, и война затѣяна германскимъ правительствомъ не для территоріальныхъ, а для экономическихъ захватовъ.

На ряду съ агрессивнымъ большинствомъ и въ Германіи и въ Австро-Венгріи все больше и больше вліянія пріобрѣтаетъ меньшинство, которое, стоя *на точкѣ зрѣнія обороны страны*, протестуетъ противъ войны и требуетъ заключенія мира. Оно требуетъ этого именно потому, что происходитъ со стороны Германіи и Австро-Венгріи не оборона, а нападеніе. Это ясно изъ мотивировки своихъ требованій меньшинствомъ австрійскихъ соціалистовъ, что *благопріятное стратегическое положеніе центральныхъ державъ налагаетъ на соціалистическія партіи этихъ государствъ* обязанность выступить съ тре-

бованіемъ мира на условіяхъ сохраненія status quo» *). Остановить завоевательную войну и возможно или требованіями внутри страны, въ данномъ случаѣ, Германіи и Австро-Венгріи, или достаточно сильнымъ сопротивленіемъ тѣхъ странъ, на которыя нападаютъ. Пока въ Германіи и Австро-Венгріи большинство организованной демократіи не сломитъ завоевательныхъ стремленій правящихъ классовъ, демократія странъ, на которыя сдѣлано нападеніе, принуждена защищаться, стоять на точкѣ зрѣнія обороны, ибо противооборончество при своемъ успѣхѣ давало бы успѣхъ и иностраннымъ завоевателямъ.

---

*) «Русс. Вѣд.» 12 дек. 1915 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Книги П. П. МАСЛОВА:

Аграрный вопросъ въ Россіи. Т. I. Условія развитія крестьянскаго хозяйства. 4-е дополненное изданіе. Ц. 2 р. 50 к.

Аграрный вопросъ. Т. II. Кризисъ крестьянскаго хозяйства и крестьянское движеніе. Ц. 3 р.

Теорія развитія народнаго хозяйства. Введеніе въ соціологію и политическую экономію. Ц. 2 р.

Курсъ исторіи народнаго хозяйства. Ц. 2 р.

Капитализмъ. Часть I. Наемный трудъ и заработная плата. Ц. 2 р.

Die Agrarfrage in Russland. Stuttgart. Verl. Dietz.

Die Theorie der Volkswirtschaft. Leibzig. Verl. Fiedler.

L'évolution de l'economie nationale. Paris. M. Giard et Brière.

Экономическія причины міровой войны. Ц. 25 к.

ЦѢНА 40 К.